[165]

Матвею Чопу

(посвящение поэмы «Крещение при Савице»).
Усопший друг, мечты своей созданье
Я тени ранней в дар несу твоей;
С ним по тебе печаль была сносней,
В тоске разлуки легче мне страданье.

На бренность уз земных в нём указанье:
Что мало нам дано весёлых дней,
Что с Богомилой должно нам моей
Перенести за гроб всё упованье.

Как Чертомир, забыл я дум полёт,
Души вотще потраченные силы
И всякий здесь на счастие расчёт.
Кончает ночь день ясный, день унылый;
В скорбях ли сердце, в радости ль живёт, —
Оно покой найдёт во тьме могилы.

[169]

Введение.

Вальхун, сын Кайтимаров[1], бой кровавый
Ведёт давно уж за закон Христов.
Пал Дрох пред ним, Аврелий[2] пал со славой,

И с ними сотни полегли голов;
Пролитой крови в Крайне, в Хорутанах
Достало бы на множество ручьёв.

Гниют без погребенья на полянах
Погибшие вожди и люд простой.
С отрядом небольшим, забыв о ранах,

Лишь Чертомир, воитель молодой,
За веру предков, за богов родимых,
За Живу[3] красную подъемлет бой;

С толпой язычников неукротимых
Бежит он в Бохинь, к Быстрицким долам,
В твердыню на скалах, чуть достижимых.

Развалина видна доселе там,
Что Идольским острожком называют;
Ей Чертомир владел в то время сам.

[170]

Раз в девять бóльшим войском окружают
Его враги и, став со всех сторон,
Подмоги ниоткуда не пускают;

Осадных башен строй сооружён,
Под стены ход ведут, ворота рубят;
Но держится упрямый гарнизон.

Уж полгода они друг друга губят,
Без сожаленья брата режет брат.
Себя как мало люди в ближних любят!

Но не топор, лопата и булат
Решили дело, а беда другая:
Явился голод, лютый супостат.

Тут Чертомир, напасти не скрывая,
Товарищам на сходке молвил так:
"Не меч нас гонит, а судьбина злая.

"Запас еды у нас почти иссяк.
Одни мы долго бились без завета;
Вас не держу я: сдаться волен всяк;

"Терпеть из вас кто хочет до рассвета,
Влачить ночам подобных бремя дней,
Тому с зарею нет на то запрета.

"С собой же я зову богатырей,
Которым тяжки рабские оковы.
При буре мрак ночной ещё страшней;

[171]

„Враги едва ль свои покинут кровы;
Не трудно нам, прошед чрез вражий стан,
Ещё во тьме достигнуть той дубровы.

„Обширен должен быть удел славян!
Себе приют найдём в краю далёком,
Где наш закон не будет уж попран.

„А если смерть назначена нам роком,
Не так ужасна ночь во тьме могил,
Как с ясным солнцем дни в плену жестоком".

Ему никто в беде не изменил;
Оружие своё все молча взяли;
Во всех равно быль жив военный пыл.

Но вдруг, ворота отворив, попали
В бой, — нет, скорей на бойню к мясникам:
Вальхуна силы все им предстояли.

На сон врагов рассчитывал он сам,
Чтоб по стене забраться в укрепленье
И прежде, чем заметят, быть уж там.

Сквозь бурных ветров грозное гуденье
Зовёт подмогу стража у ворот,
И началось кровавое сраженье.

Как горный ключ, раздувшись, вдруг с высот
В долину побежит волною жадной,
Всё на пути с разлёта злобно бьёт

[172]

И прежде, чем разбить оплот досадный,
Войти не хочет снова в берега, —
Таков Вальхун бушует беспощадный.

Воюет он, пока вся кровь врага
Не пролита и дышит хоть единый
Из тех, кому так вера дорога.

Когда заря блеснула над долиной,
Там груды тел; их больше, чем в жнитво
Увидишь копен, идя десятиной.

Но стоило Вальхуну торжество
Полвойска слишком. Ищет он напрасно
Меж трупами язычников того,

Кто был виной резни такой ужасной.

Примечания Преширна.

1 Вальхун, называемый у латинских писателей Valhunus или Valdungus, был герцогом хорутанским и главным гонителем неверных. Уже его отец Кайтимар (Chetimarus) сильно старался о распространении христианской веры в Хорутании и Крайне; но словенцы крепко держались старой веры и преследовали христиан, особенно миссионеров. Смотри Вальвазоря «Ehre des Herzogthums Krain» 7-ой книги 2-ую главу.
2 Аврелий, Дрох (Aurelius, Drohus) — два вождя неверных. Смотри Вальвазоря в указанном месте.
3 Жива — богиня любви, славянская Венера.

173]

Крещение.

Людей и туч война и мрак ночной
Минули вместе; луч рассвета нежный
Забрезжил над вершиною тройной
Царя седого крайнской цепи снежной[1].
По озеру Бохинскому покой
Разлит и ночи нет следа мятежной,
Но под водой сомов идёт война
И хищников других, питомцев дна.

То озеро, где ты стоишь угрюмо,
О Чертомир, не есть ли образ твой?
Военного уже не слышно шума,
Но у тебя в груди всё длится бой,
В душе встаёт знакомая уж дума
И — если в горе верен опыт мой —
Терзает ум, зовёт к убийству руки;
Всех мук лютей отчаяния муки.

Исконный быт славянский потрясён,
Во прахе вера предков и уставы;

[174]
Страной вертит баварец Тассилон[Комм 1],
Под тяжким игом стонут дети Славы;
Лишь чужаки живут там без препон,
Зато, в сознаньи силы, величавы.
Иль ты, чтоб этих впредь не видеть бед,
Пойдешь Катону младшему вослед?[2]

Таких невзгод, в душе такого ада
Не перенёс бы муж преклонных лет;
Но в юности могучая преграда
К самоубийству есть надежды свет.
Тебе что в жизни, Чертомир, отрада,
На то в твоём прошедшем есть ответ,
Когда не веры лишь старинной сила
Тебя на воды Бледские манила.

Теперь на остров тот, среди воды,
К Марии ездим мы на богомолье.
На заднем плане снежных гор ряды;
Налево Бледский замок и раздолье
Полей и нив, цветущих, как сады;
Гряда холмов замкнула справа всполье.
Где в Крайне есть такой волшебный край,
Как эта часть, земной для взоров рай?

[175]

На острове в далекие те поры
Стоял богини Живы истукан;

Влюблённые искали в ней опоры
Своим мечтам; красавицы славян
С молитвою к ней простирали взоры,
Источник верный нам сердечных ран;
Там Старослав святилища блюл двери
При помощи своей прелестной дщери.

По красоте с абидской жрицей[3] спор
Принять могла успешно Богомила;
Невинностью её сияет взор;
Своей красы она лишь не ценила
И яду лестных слов наперекор
Невинность в сердце чистом сохранила.
Шестнадцать лет ей минуло тогда;
Её душе любовь была чужда.

С обычными дарами для божницы
Раз Чертомира лодка принесла;
В ней дань от стад, хлеба, плодов кошницы,
Произведенья замка и села.
Здесь он при взгляде на черты девицы,
Себе не чая никакого зла,

[176]
Был поражён из глаз её стрелою
И с той поры „прости" сказал покою.

О, как ты счастлив, Чертомир! твой взор
Зажёг огонь и в сердце девы скромной.
Опущен взгляд, прерывист разговор,
Охвачен дух мечтой какой-то тёмной;
Как блеск зари пред вёдром темя гор,
Так залил щеки ей румянец томный;
Её рука в твоей руке давно —
Зачем? не знает; как? ей всё равно.

Пусть вам иной поэт опишет счастье,
На целый год доставшееся им,
К жилищу девы юноши пристрастье,
Отца при них возврат к мечтам былым,
Хмель двух сердец, пока войны ненастье
Не разнесло их радостей, как дым, —
Иной поэт, не я, не безутешный,
А кто в любви блаженствует успешной.

О Чертомир! настал разлуки срок.
Ревёт трубы призыв неумолимый.
Чтоб жечь кумирни, за собой привлёк
Толпы врагов Вальхун непримиримый.
Уж в сборе, кто себя на бой обрёк
За веру матери твоей родимой,
За веру ту, которой столп — она,
К кому любви душа твоя полна.

[177]

О, как тяжёл и горек час разлуки!
Они стоят, свободу дав слезам,
Сомкнув один кругом другого руки,
Прильнув устами трепетно к устам.
Отец, сознав, что боль душевной муки
Таить не в силах, с ними плачет сам
При виде их смертельного томленья,
Которому не знает утешенья.

Когда б он верил в мощь страны своей,
Он ободрил бы их победы славой;
Но угрожал чрез Кокру Крайне всей

Вальхун, набрав тьму воинов за Дравой[4];
Кто шёл на бой за веру и друзей,
Тот не побед, а смерти ждал кровавой.
Горит село, а там горит ропать[5];
О Чертомир, пора идти на рать!

И он пошёл, в борьбе не видя прока,
Однако славу рода поддержал:
Махнет мечом — и во мгновенье ока
Лежат тела убитых наповал
Иль чуть живых, пораненных жестоко.
Но меч и стены и твердыня скал
Поборникам отцовского закона
И их богам, увы! не оборона.

[178]

Один, склонясь на меч кровавый свой,
При озере стоит он, побеждённый;
Блуждает взор его над глубиной;
Ужасных мыслей полон ум смятённый.
Убийством кончить он хотел с собой,
Но был удержан силой сокровенной;
То, Богомила, память о тебе,
Ему про жизнь шептавшая в борьбе.

Увидеть вновь он жаждет образ милый,
Местам любимым свой снести привет;
Пощажена ль она враждебной силой?
Ему хранитъ ли верность или нет?
Иль, может быть, взята уже могилой?
Иль сделал праздным плен её обет?
Жива ль она? погибла ли? об этом
Разведав, он простится уж со светом.

Рыбак знакомый виден на воде;
Сознанье он в безумце воскрешает,
Сказав, как ищет враг его везде,
Как пленным страх Вальхун к себе внушает,
Как здесь легко подвергнуться беде;
Его к себе он в лодку приглашает,
Чтоб отвезти под безопасный кров;
И Чертомир с ним тотчас в путь готов.

Где быстрая вливается Савица,
В тот озера конец они гребут,

[179]
Гребут — и их челнок летит, как птица:
Вослед им ветер облегчает труд;
Но рыбаку врагов мелькают лица;
В густой тени лишь мил ему приют.
Когда он мнит, что есть пора герою,
Ему даёт он то, что взял с собою.

О плате мыслит витязь, хоть войной
Поглощены его все деньги были;
Но на храненье прежде клад большой
Он Старославу дал и Богомиле;
Ему сыскать их он велит и свой
Вручает перстень, чтоб, доверив силе
Его, они с послом свели расчёт;
Пусть золота он четверть принесёт.

Но Богомила — главная забота:
Ещё ли солнца блеск доступен ей?
Цела ль она средь водного оплота?
Иль скрылась где от яростных гостей?

И о пути он требует отчёта,
Как до неё дойти ему верней.
Назавтра ждать он будет при Савице
Вестей дурных иль добрых о девице.

Он утром слышит водопада гром
И мыслит: как река, стремясь к простору,
Беснуется, как в берег бьёт ключом,
Как сотрясает в основании гору,

[180]
Как сквозь утёсы рвётся напролом,
Как пенится! Так юноша задору
Границ не знает; но придёт и мир.
Такую думу думал Чертомир.

Но вдруг он слышит говор отдалённый
Людей, несущих золото с собой.
Узнал он облик рыбака почтенный;
Идёт с ним кто-то по лугу чужой;
Талар и стола[6] — признак несомненный
Того, что он — Христа слуга святой.
Десница витязя уж меч схватила,
Но тут пред ним явилась Богомила.

„В мои объятья, милая, приди!
Конец заботе, бедствию, печали!
От счастья всё дрожит в моей груди,
Когда черты твои мне вновь предстали.
Хотя б нас ждали бури впереди,
Хотя бы тучи небо облегали,
Мне всё равно, что б ни было кругом,
Лишь ты была бы на сердце моём!".

Отсторонив его от шеи руки,
На ближний камень села вдруг она.

[181]

Её ответа нежны были звуки,
Но твёрдость в нём влюбленному слышна:
„Теперь не брака время, а разлуки;
Стезя своя быть каждому должна.
Чтоб наши вновь сошлись пути — не ныне,
А после — видишь здесь меня в пустыне.

„Ты должен знать, что я уж крещена:
Во мне, как в, ясный полдень иней белый,
Язычества исчезли семена;
Крестился мой родитель престарелый;
Богиня Жива в глубь погружена
Марии чтителей деревней целой.
Как я Христа постигла благодать,
Мой Чертомир, хочу тебе сказать.

„На острове, в пустыне безответной,
Как унесла от нас тебя ладья,
Я думала: ужель волною тщетной
Союз наш канет в бездну бытия?
Ужель конец мечте двух душ заветной
Положит тьма подземного жилья?
Ужель нигде в пределах мирозданья
Чете сердец нет вечного свиданья?

„С тех пор, как ты ушёл на лютый бой,
Меня всё та же мучила тревога.
Я знала: смерть витает над тобой,
А мне к тебе заказана дорога.

[182]
Так свой я весь утратила покой,
Ни в чём не видя к лучшему залога.
Отчаянье душило уж меня.
Как в этой тьме ждала я света дня!

„Раз я свою покинула обитель,
Чтоб разузнать об участи твоей;
Там пред толпой вещал святой учитель,
Стоящий здесь почтенный иерей,
Как создал нас Бог Вышний, Вседержитель,
Как грех проник с Адамом меж людей,
Как стал не чужд Сын Божий их природы,
Чтоб возвратить к блаженству все народы,

„Что Бог любви Бог горних есть высот,
Что любит Он равно свои творенья,
Что этот мир, мир горя и забот,
Есть искушенья край, что мы рожденья
Небесного, что тот же Бог даёт
Нам как веселье, так и огорченья,
Что дивно Он ведёт к себе людей,
Что не желает гибели ничьей,

„Что к небу наше нас зовёт начало,
Где славы Божьей совершенный храм,
Не зрело око, ухо не слыхало
Утех, какие ждут блаженных там,
Что им, как бремя плоти лишь отпало,
Даются блага все по их мольбам,

[183]
Что там навек Божественные узы
Скрепляют все земные душ союзы.

„Задумчива вернулась я домой;
Пришёл и он, кто светом стал мне новым;
Как со своей, беседовал со мной;
Сказал, что был друидом он суровым,
Что он идёт, закон приняв святой,
Наш край ученьем просвещать Христовым;
С собой в обход окрестных деревень
Зовёт меня, когда погаснет день.

„Отцу и мне открыл он в поясненье,
Какой что древле предсказал пророк,
Как Евы и Адама прегрешенье
Загладил крови на кресте поток;
Изобразил нам светопреставленье
И чудеса, как истины залог;
Нам, сколько нужно, передав познаний,
Очистил нас по вере крестной баней.

„Но нестерпимо думать было мне,
Что ты в числе восставших против Бога.
Тебя не раз видала я во сне
Недвижным у могильного порога.
Боялась я, что смертью на войне
Тебе закрыта будет в рай дорога.
Но Божий муж меня утешил тем,
Что верх берет молитва надо всем.

[184]

„Потом молилась часто я со страстью,
Заступнице вверяяся втиши:
„Не покарай, Господь, его напастью!
Не злоба грех его, а мрак души.

Не дай врагам над ним кичиться властью!
Его своей защиты не лиши!"
И дивно Бог тебя в ту ночь избавил,
Как всех своих ты мёртвыми оставил.

„О Чертомир, от спячки пробудись,
Расстанься с долгим, страшным заблужденьем,
В греховной тьме бесцельно не трудись,
Не раздражай небес сопротивленьем
И жизни льготой так распорядись,
Чтоб кончилась разлука единеньем,
Чтоб там блеснул любви нам вечной свет,
Где ни болезни, ни печали нет".

Чертомир.
„Чем отплачу тебе я, Богомила,
За всю твою заботу и любовь?
Такой восторг ты в душу мне вселила,
Что трудно мне прийти к сознанью вновь.
Пока мне не изменит жизни сила
И не иссякнет вся до капли кровь,
Твоим пребуду весь я без раздела:
Будь мне владыкой веры, мысли, дела!

„Как мог бы с волей спорить я твоей
И поступить не так? как ты желала?

[185]
Но вспомни лишь Вальхуновых мечей
Следы и стрел его смертельных жала, —
Что крови пролилось по Крайне всей,
Как христиан рука нас истязала,
И мне скажи: не больше ли в крови
Из всех богов замаран Бог любви?".

Священник.
„Да будет мир и в людях и в природе!
Так ангелы с небесной вышины
Вещали при Мессиином приходе.
Что все Отца мы одного сыны,
Что братья все в людском нам целом роде, —
Вот свыше мы чему научены.
Лишь на своём безумном произволе
Стоит Вальхун, а не на Божьей воле".

Чертомир.
„Любви и мира веру я готов
Принять: твоя то вера, Богомила.
Я знаю: нам обряды и богов
Их слуг самих лишь хитрость породила.
В них только чтил обычаи я отцов;
Его теперь меча низвергла сила.
А если буду я, как ты, крещён,
Когда друг с другом свяжет нас закон?".

Богомила.
„Не много дней живут на свете розы,
Когда покров знобит их снеговой

[186]
Иль вешние падут на них морозы;
Так девушке, утратившей покой
И с юных лет познавшей жизни грозы,
Не долгий путь бывает дан земной.
Дадим ли мы на миг друг другу руки,
Чтоб век потом бояться вновь разлуки?

„Затем, чтоб Бог от вражеских мечей
Тебя хранил и для восторгов вечных

Твою любовь соединил с моей,
Я от желаний отреклась сердечных,
Я отреклась от счастья жизни сей,
Соблазны уз отвергла быстротечных.
На небе был услышан мой обет;
На брак со мной тебе надежды нет!

„Марии я и Сыну посвятила
Навек свою девичью чистоту;
Хотя бы долго я в себе влачила
Тоску любви и райскую мечту,
Не помешает никакая сила
Мне быть невестой верною Христу,
Храня от скверны брачные одежды.
На брак со мною нет тебе надежды!".

Тогда сказал ему священник так:
„Тому при браке счастье невозможно,
Кем так, как мною и тобой, земляк
Был укрепляем в слепоте безбожной:
Друидом сеял я в народе мрак,

[187]
А ты когда б в защиту веры ложной
Не выступил, её бы пробил час,
И вдов так много не было б у вас.

„Отправься в Аквилею[7]: сан духовный
От патриарха можешь там принять,
Чтоб тем, кого, держа во тьме греховной,
Губил, как я, принес ты благодать.
На юге много жатвы есть церковной;
Иди туда и не ленися жать!
Но прежде в Аквилею, где при сане
Получишь власть к законной душ охране".

Чертомир.
„Да, счастье я к себе не поверну:
Оно всегда казало мне лишь спину.
Отец без счастья долго вёл войну
И в битве жизнь утратил и дружину.
Едва укрылась мать, чтоб не в плену
Пришлось ей встретить раннюю кончину.
Заря любви блеснула мне из туч,
И вдруг погас её отрадный луч.

„Раскаты труб гудят над целым краем;
Меня от милой в бой зовёт их гром;
Вальхуна мы, как можем, отражаем: —

[188]
Напрасный труд! все гибнут под мечом;
Ушёл лишь я, врагом незамечаем.
Моя надежда — бегство, лес — мой дом.
Себя со мною связывать нелепо,
Когда судьба гнетёт меня так слепо".

Богомила.
„Нет, тот любви не ведает прямой,
Кто мыслит, что в беде она остынет;
Горит во мне огонь её святой,
Пока душа обузу тела скинет;
Но в браке жить мешает брак другой:
Его мой дух вовеки не отринет.
Узнаешь ты за гробом, как тверда
Моя любовь, и как ей ложь чужда.

„Чтоб ты успешно сеял Божье семя,
В славянские отправься племена.

Пока должна нести я жизни бремя,
Останусь Богу и тебе верна;
Чрез краткое тебя ждать буду время
С отцом в раю невестой без пятна
До той поры, как паствы всей слезами
Оплаканный, ты явишься меж нами".

Вдруг солнца лик сверкнул из облаков,
И радуга взошла над Богомилой,
Вкруг бледных черт игрой блестя цветов;
Лучи венцом объяли образ милый.

[189]
В восторге, плакать юноша готов.
Тому, что житель он земли унылой,
А не небес, не может верить он;
Так этим видом был он поражён.

Когда ж он думать о мирском был в силе,
Дал рыбаку он мзду, из клада взяв,
И также тем, что золото носили.
„Раздай сиротам всё, что Старослав
Мне сохранил", сказал он Богомиле;
Потом, её от всей души обняв,
Ей на прощанье молча подал руку;
Лишь токи слёз его являли муку.

„Постой немного: просьба есть одна
Ещё к тебе", она ему сказала:
„Чтоб без тебя мне жизнь была сносна,
Чтоб сердце мне забота не терзала,
На вечные отвергни времена
При мне обман язычества сначала:
Крещеньем грех сними с души своей;
Вода близка и тут же иерей".

Он подчинился ей без возражений.
Священник с ним пошёл на водопад
И там под звук торжественных молений
Над ним свершил крещения обряд.
Все зрители поверглись на колени;
Святым восторгом блещет девы взгляд,

[190]
Оплотом бывшей прежде веры лживой,
Творившей жертвы пред богиней Живой.

Он в Аквилее смыслом овладел
Христова непреложного ученья;
Приняв священство, сердцем он сгорел
Для благ мирских; потом пошёл в селенья
Родных словенцев и за их предел,
Борясь до смерти против заблужденья.
Осталась дева дома у отца;
Так их разлука длилась до конца.

Примечания Преширна

1 Баварец Тассилон, Тесель (Tassilo), герцог баварский, с тремя отрядами воинов привёл назад и снова навязал словенцам Вальхуна, которого они в первые годы его правления выгнали из страны. Смотри Вальвазоря в указанном месте.

Примечания переводчика

1 Триглав.
2 Катон младший после того, как Юлий Цезарь разбил республиканские войска при Тапсе (в Африке) в 46 г. до Р. Х., лишил себя жизни, чтобы не пережить республики.
3 Геро (Ἥρώ), жрица Афродиты, жила, по общепринятому преданию, в Сесте, городе на европейском

берегу Геллеспонта (Дарданельского пролива), а в Абиде, на азиатском берегу, жил её возлюбленный, Леандр, однако так называемая „Башня Геро" находилась близ Абида.
4 В Баварии. Драва течет через Тироль, Хорутанию, Штирию, Хорватию и Славонию и впадает в Дунай.
5 Кумирня.
6 Талар — длинная одежда католического священника (soutane), стола — шелковая полоса в пядь ширины с крестами по середине и по концам, более широким, надеваемая на шею и ниспадающая до колен.
7 Город недалеко от Триэстского залива. Епископы его с половины VI в. по 1751 г. носили титул патриархов. С конца XI в. до первой четверти XIII Крайна была им подчинена даже политически.